

II. Христиане

Рядом со стоиками и непосредственно после них возник против римского мира другой протест, бесконечно более высокий и сильный. Явились другие отщепенцы, которым было суждено победить.

Общество сейчас же увидело, что перед ним на этот раз более опасные враги. Стоиков оно не столько чуждалось, сколько они сами чуждались его. Их считали безумными, сумасбродными, даже опасными; но в то же время уважали их, признавали в них свою философию, свою мудрость. Их жалели, а не преследовали. Сами они гораздо больше подписали себе смертных приговоров, чем императоры. Им удивлялись и не клеветали на них; зато и не увлекались ими. Даже когда центурион являлся к ним с приглашением не возмущать своею грустью веселое настроение граждан, благоденствующих под властью своего «господина и бога» — *Dominus ac Deus* — то и тогда в них видели не врагов общества, а только врагов императора и империи. И в самом преследовании было заметно уважение, которое воздавалось им, как почтенным, хотя и вредным членам общества.

Совершенно иначе старый мир взглянул на христиан.

«Когда апостолы распространяли божественное учение, — говорит Иоанн Златоуст [52], — когда они обходили всю землю, всюду сея слова воров, искореняя заблуждения, отменяя древние законы государств, преследуя неправду, очищая под ногами своими почву и повелевая людям бежать от идолов, храмов, алтарей, празднеств и мистерий их, с целью возвыситься до понимания Единого Бога, Властителя вселенной, и до чаяния будущих благ; — когда они говорили об Отце, Сыне и Святом Духе, рассуждали о Воскресении и проповедовали о царствии небесном; — тогда возгорелась великая, зверская война, и мир исполнился смут, грома и раздоров, охвативших все города, все народы, все семьи, все страны, и цивилизованные, и варварские. Понятно, что древние учреждения подорвались в основах своих, и покачнулся так долго царивший предрассудок при вторжении новых, неслыханных дотоле верований. Против их могущества негодовали императоры, враждовали проконсулы, роптали граждане, кричал форум, обращалась страстная ненависть судов, обнажались мечи, готовилось оружие и свирепствовал закон. Всюду возникали казни, пытки, угрозы; всюду господствовал ужас. Волны разъяренного моря, извергающие из пучин своих обломки кораблей, могут представить картину того порядка вещей, где, во имя веры, сын отрекался от отца, невестка от свекрови, ссорились братья, господа гнали слуг, вся природа вступала в раздор сама с собою и всюду разгоралась война, уже война не только гражданская, но и семейная. Слово, как меч, проникало всюду, вызывая на великий бой, на великую расирю, и всюду порождая ненависть и гонения против верующих (Chrysost. De gloria in tribulat){5}.

Против христиан поднялись все. — Общественное мнение называло их атеистами, развратниками, «врагами ботов, императора, государства, человечества, преступниками,

виновными во всевозможных преступлениях» (Tertullianus) [6]. — О них рассказывали, что будто они поклонялись ослиной голове, что они убивали и ели детей, что они предавались величайшему разврату. Им приписывали все бедствия, поражавшие империю. Нерон жег их за пожар Рима; а народ, подражая своему тирану, кричал при всякой беде: «в цирк христиан, на растерзание львам!» По словам Августина [53], не было того несчастья, за которое не обвинили бы христиан. *Pluvia deficit, causa Christiani*, нет дождя, значит, виноваты христиане, говорил глас народа.

Язычник, обращавшийся в христианство, становился этим вне всех законов общества: он считался с этих пор чудовищем, извергом, достойным всех мук. Власти, которые так часто противятся общественному мнению, когда требования его разумны и справедливы, на этот раз были очень угодливы. Конечно, в политическом отношении проповедь евангелия была неопасна могуществу цезарей, и многие администраторы, судя с этой точки зрения, не видели необходимости преследовать людей, так мало занимавшихся политическими вопросами. Случалось, как например при казни Св. Поликарпа [54], что проконсулы уступали только страстным требованиям толпы. Давно уже замечено, что гонителями христианства были не те свирепые тираны, которые и думать не хотели о каких-нибудь принципах и об интересах общества, а те мудрые и прославленные правители, которые считали себя призванными спасти общество и заботиться о религии и нравственности.

Сами стоики показали себя достойными членами старого общества. Благонамеренный и просвещенный проконсул Плиний облагодетельствовал, между прочим, свою провинцию и тем, что посылал на казни христиан. — Мудрый венценосный философ Марк-Аврелий, несмотря на свои гуманные правила и разочарованность, вменял себе, в числе других обязанностей, преследование назареев [55].

Чисто политические причины совершенно не оправдывали этих преследований, потому что христиане были люди мирные, не замыслили никаких заговоров, не имели ничего общего со стоиками и вообще политическими врагами империи в порицании современного порядка вещей. Поэтому чиновники императора относились к ним гораздо снисходительнее общества.

Общественное мнение ненавидело и преследовало их хуже разбойников и всяких злодеев, и с своей точки зрения, с точки зрения язычества, основанного на насилии и эксплуатации, было вполне право. Действительно: что значили противники политических учреждений в сравнении с этими отщепенцами всего строя ветхого мира, со всеми его понятиями, основаниями, принципами и формами! Что значили стоики, отрицавшие некоторые явления в жизни общества, в сравнении с христианами, отрицавшими его вполне!

«Солнце светит одинаково для всех, — проповедовали они. — Всех одинаково освещают луна и звезды; для всех равно идет дождь и веют ветры. Будем же подражать Творцу: поделимся с братьями нашими благами, дабы все человечество одинаково наслаждалось благодеяниями Бога». — «У Христиан ничего не должно быть собственностью; мы все исходим от одного Отца, и все должны иметь равную возможность пользоваться божественными дарами. Будем милостивы для всех; будем считать все общим; милосердие да будет связующею нитью этого общего исповедания». — «Мы не родимся собственниками:

наги выходим мы из чрева матери, наги возвращаемся в землю. Мое и твое — пустые слова. Солнце, земля, все, созданное Богом, есть общее достояние. Мы собственники только по наружности, а в сущности все, принадлежащее одному, принадлежит всем. То, что называют собственностью, есть лишь исключительное право владения, предназначенного Творцом для всех». «Мое и твое — слова жесткие, источник бесчисленных войн». — «Каков должен быть естественный порядок, порядок, учрежденный Богом? Он должен состоять в том, чтобы земля была в общем владении, чтобы все имели равные права на ее произведения. Природа требует общинности; человеческий грабеж создал личную собственность». — «Вся земля принадлежит Господу. Он равно дал его и бедным, и богатым, или, лучше сказать, для него нет ни бедных, ни богатых: все люди равно созданы из земли». — «Богатые — хранители богатства, которые поручены им; они не могут распоряжаться ими, а только пользоваться. — Провидение вручило их некоторым, дабы, умно распределяя их, они восстанавливали равенство между людьми». — «Горе тому богачу, кто забывает это: он похититель благ, принадлежащих Богу и всем; он — жестокий тиран, свирепое чудовище, ненасытный грабитель. Между ним и вором нет никакой разницы». — «Я часто смеялся, писал Златоуст, — читая в завещаниях: собственность мою оставляю такому-то, а пользование доходами — такому!! Мы можем только пользоваться, но сама собственность не принадлежит никому». — «Исключительная собственность, — подтверждает Астерий, — есть пагубнейшее заблуждение». — «Собственник имеет право лишь на то, что ему крайне необходимо для жизни; весь излишек принадлежит бедным. От него требуют не милостыни, а исполнения обязанности; отдавая излишек бедным, он только возвращает настоящим собственникам их достояние».

«Честный отец не должен оставлять детям больше того, сколько им крайне необходимо». — «Какая разница между вором, который тайно похищает чужое, убийцею, овладевающим имуществом своей жертвы, и богачом, который, беря процент, присваивает себе то, что ему не принадлежит?» — «Несправедливо брать больше, чем даешь. Тот, кто делает это, уподобляется врагу, строящему козни своему противнику; он злоупотребляет нуждою ближнего, чтобы окончательно ограбить его».

Такая проповедь шла вразрез со всеми понятиями ветхого мира Двенадцати Таблиц. Она отрицала его сверху до низу, отвергала все его основания и потому казалась язычникам слишком вздорною, смешною, безумною, короче — непрактичною. — Христиане возражали им с невозмутимым спокойствием, что вопрос в том: справедливо ли то, что они говорят, или нет? можно ли это считать божественною заповедью или нельзя? — «Иисус Христос прикалывает нам поступать так, — говорили они, — наше дело повиноваться. Не спрашивайте нас: возможно ли? — Тот, кто заповедал нам это, сумеет подчинить своему закону самую невозможность».

«Как! — спрашивали язычники, а теперь за ними спрашивают уже современные либералы, желающие отличиться легкомысленным отношением к христианской религии: как! — по-вашему, опыт, условия жизни, ее практика, ее факты — ничего не значат? Вы больше верите сумасбродным теориям? Вы хотите подчинить действительность вымыслам вашей фантазии? Безумцы, вредные мечтатели! Нет, знайте, что мы слишком благоразумны и практичны, чтобы презирать действительность. Нами руководят не утопии, а здравый взгляд на вещи, наука, политическая экономия, как выражаются новомодные люди... Если

вас послушать, то что же будет? Невозможна станет жизнь в обществе, погибнут все учреждения, государство, права, законы, полиция и богатство, — словом, вся ваша тысячелетняя цивилизация — от мудрости греческих философов и величии наших древних богов до нашего государственного порядка, до пышности нашего искусства, до славы наших завоеваний, до чудес нашей торговли и промышленности. Вы разрушаете трон, алтари, науку, законодательство и богатство, и зачем!! Чтобы на место всего этого поставить общую бедность! Вы все разрушаете и кроме утопий ничего не даете».

«Мы не говорим уже о том, что вы отрицаете наших богов: мы и сами им плохо верим, и наши поэты позволяют себе премилые и преигривые шуточки на их счет. Это пикантно, остро и безвредно, потому что подрывает только веру, а не суеверие. Но вы своими нападками уничтожаете предрассудок, а это уже посягательство на весь наш общественный порядок, потому что суеверие — одна из основ его. Но это далеко еще не самое безумное, не самое дерзкое из ваших покушений!»

«Кредит — нерв торговли и промышленности, творец общественного богатства. Но в нашем обществе, где всякий за себя, всякий для себя, а Юпитер за всех, кредит невозможен, немыслим без лихвы, без процента. А вы осуждаете лихву, как величайшее преступление, уподобляя человека, берущего процент, — вору, разбойнику! Этим вы противоречите всему нашему законодательству, мало того — уничтожаете возможность всякой торговой и промышленной деятельности, т. е. обрекаете нас на нищету, варварство. О, да вы притом последовательны и не скрываете безумных последствий ваших нелепых учений!»

Не алчность ли душа торговли? И не она ли вместе с тем корень вопиющих зол? Лихва несовместна с христианскими чувствами, значит, несовместна с ними и торговля. Христос порицает торгашей; он ставит купцов рядом с идолопоклонниками.

«Без судов, — говорили язычники, — жизнь невозможна: это было бы дикое состояние, где люди перерезали бы друг друга в самый короткий срок до последнего человека. Наше законодательство имеет целью обуздывать человеческие страсти, предупреждать и карать преступления. Что же? как относятся христиане к нашим законам? Как смотрят они на обязанности судей? Они отказываются от должностей, говоря, что, приняв их, „были бы принуждены судить о жизни и чести, постановлять приговоры, осуждать на казнь, позор и пытки“. И все это они считают величайшими преступлениями! Их священники смотрят, как на отъявленных преступников, на всех судей, произнесших смертный приговор! Мало того: они явным образом нарушают общественный порядок и останавливают руку правосудия, открыто силой вырывая у палачей осужденных!»

«Могут ли быть терпимы такие понятия, такие люди?! Не довольствуясь презрением к нашим жрецам, к нашим ростовщикам, они обращают свою злобу и против первых граждан нашего общества — против судей и палачей! Что случилось бы с миром, если бы эти бредни были осуществимы! После упадка религии и, вследствие этого, окончательного развращения нравов, после общего обеднения оставалось бы уже уйти окончательно в варварство и дать простор резне всех со всеми! Без лихоимца общество, конечно, обнищало бы; без палача люди вырезали бы друг друга. Нищета и смерть — вот идеал, который эти вредные мечтатели противопоставляют миру, счастью, богатству и славе империи!»

«Слава империи! Да, они очень о ней заботятся! Для своих утопий они готовы пожертвовать десятком наших провинций, чего! — готовы открыть варварам дорогу в Рим! Если их послушать, то война — бедствие, убийство, злодейство, и никто не должен браться за меч для защиты отечества. Для них убийство всегда убийство!» «Как может христианин идти на войну?» — рассуждают они: «Как может он еще в мирное время носить оружие, когда Господь обезоружил нас?» Они сравнивают воинов с обыкновенными убийцами и отлучают служащих в войске от своей церкви! Они бесцеремонны! В то время, когда наши орлы летают победоносно по всем странам света; когда непобедимые императоры распространяют славу римского оружия и раздвигают пределы империи; когда легионы железною стеною ограждают от вторжений варваров наши владения, — они бесцеремонно объявляют, что «война — разбой в обширных размерах!»

Было бы величайшим бедствием, если бы все эти нелепости проникли в ряды наших войск. Всякая дисциплина была бы уничтожена, и славные римские легионы обратились бы в шайки бродяг и разбойников. Вот чего можно ожидать от проповеди евангелия, и вот какие поступки расхваливают учителя и писатели христиан!

«На днях, — пишет один из них, — светлейшие императоры раздавали награды. Солдаты в лагере, увенчанные лаврами, поочередно подходили получать подарок. Между ними был один, воин Христа, с душою твердою и спокойною, убежденный, что нельзя служить зараз двум господам. Он стоял с обнаженной головой, держа лавровый венок в руках, а не на голове. Все заметили его издали, стали смеяться над ним и бранить его. Поднялся ропот. Когда ряд, в котором он стоял, подошел к начальнику, последний спросил его: «Отчего ты отличаешься от прочих?» — «Мне нельзя, — отвечал он, — наряжаться подобно им: я христианин!» — Его судили и казнили.

«Итак, они отрицают все и ненавидят всех, — говорили язычники. — Для них все равно преступны, кто не разделяет их сумасбродств. И ты, храбрый воин, самоотверженный защитник отчества; и ты, честный, неподкупный судья, карающий порок, оправдывающий невинность; и ты, деятельный, трудолюбивый торговец, законно приобретающий барыши и дающий стране, осчастливленной твоими оборотами, богатство и жизнь; и ты, красноречивый адвокат, и ты, блестящий поэт, и ты, мудрец и философ — вы все в глазах этих людей равно преступны и гнусны, как последний злодей, как осужденный разбойник и вор! Будь честен, будь мудр, деятелен, — как скоро ты не христианин, как скоро ты вместе с ними не отвергаешь всех основ общества — они приравнивают тебя ко всем преступникам. В суждениях их о людях нет середины — все крайность: или святой, или злодей. Если кто не отрицает условий и законов общества, тот негодяй, будь он хоть Соломоном [56], Платоном [57] или Сократом [58]! Какой ужасный, опасный, преступный фанатизм!»

«И кто же эти люди, которые осмеливаются так дерзко судить обо всем заветном и священном? Кто они? — ученые, мудрены, государственные люди, жрецы? Нет, это большею частью подонки, отребье общества, невежды, нищие. Дерзость их возмутительна! Напрасно бы стали обличать их невежество, доказывать им, что они не понимают ни философии, ни искусства, ни условий практической жизни! Напрасно советовали бы им читать Аристотеля [59] и Платона, с целью убедиться, что рабство законно и неизбежно и что без него немислимо самое совершенное общество: все это напрасно! Они стоят на своем и не

уступают ни доказательствам, не пыткам. У них вечно на языке нелепые фразы их невежественных учителей про преступность лихоимства, про бесчестность наслаждения среди общих страданий, про злодейство войны, про бессовестность судей, книжников и практических мудрецов!

Чего ожидать от людей, выше всего ценящих невежество и нищету? Эти отщепенцы постоянно твердят: «Блаженны нищие духом, блаженны страждущие, блаженны неимущие и алчущие! Горе счастливым, сытым, богатым!» Оно и понятно: такие нелепости могут прийти в голову только людям, помраченным невежеством, озлобленным страданиями, и вообще тем, кому нечего терять. Поэтому нельзя не согласиться с одним писателем их, который между прочим говорит:

«Богатый дрожит за свой дом, за свою собственность и находится в вечном страхе, чтобы его не ограбили. Но бедный всегда на все готов; у него нет этой заботы. Он выше всех мелких треволнений, и потому не боится пролить кровь и пожертвовать жизнью. Он могущественнее и богаче всех тиранов и царей. Я докажу, что это правда и что, говоря это, я не думаю льстить бедным. Я докажу, что тот, у кого нет ничего — чист и свободен душою. Сколько богатых, сколько сильных людей было во времена царя Ирода [60]! Но кто восстал против него? Кто покарал тирана? Не богатый, а тот алчущий и бедный, у кого не было ни стола, не постели, ни жилища, ни крова — пустынножитель Иванн [61]. Он наказал тирана, и, кроме него, не нашлось на это никого. Он восстал против его кровосмесительного брака и проклял его перед липом всех его царедворцев. Так точно, раньше Иоанна, великий Илия [62], не имевший ничего, кроме плаща, с тем же благородным мужеством покарал презренного Ахава» [63].

«Ничто не делает нас до такой степени свободными, ничто так не возвышает и не проясняет нашего разума, как бедность! Ничто не дает нам такого мужества в опасностях, такой безбоязненности и непреодолимой силы, как нужда и отчуждение от всех земных попечений. Кто хочет достичь высокой добродетели, тот должен быть бедным, должен не дорожить жизнью и презирать смерть. Он один сделает больше, чем вес богатые и сильные мира сего!»

«Таким-то образом они возвели бедность в добродетель и на этом построили всю свою нелепую общественную теорию! Конечно, такие сумасбродства сами по себе неопасны, потому что каждый видит неосуществимость и несообразность их идеалов. Но они опасны тем, что возбуждают в обществе вредные страсти, вызывают невежественную и голодавшую чернь на ненависть к просвещенным, господствующим классам, подрывают уважение к религии и судам и уничтожают в войсках дисциплину. Нельзя же допускать этого! А между тем, убеждением ничего нельзя сделать. Поэтому, во имя богов, во имя закона, во имя собственности, во имя цивилизации и прогресса, во имя спасения общества и империи — львам этих христиан, львам на растерзание!»

Триста лет следуя этой системе, христиан мучили, пытали и казнили. Судьи и палачи сами недоумевали, за какие преступления подвергают они мукам и смерти «только тысяч невинных людей. Плиний [64] писал императору, что переказнил многих, но решительно не знает за что, а между тем находится вынужденным казнить еще гораздо больше, потому

что сами христиане выдают себя и оказывается их чрезвычайно много. Мудрый император отвечал, что не должно разыскивать христиан; но тех, которые сами выдают себя — казнить. По смерти мудрого блюстителя древних нравов эклектизм Адриана [65] удерживает на некоторое время усердие палачей. Но философ Марк-Аврелий объявляет весь мир в осадном положении и с новым рвением приступает к истреблению мирных врагов общества. С тех пор каждый правитель, считающий себя призванным спасти общество и восстанавливать добрые нравы, принимается травить христиан зверями и разводить для них костры.

Писатели не отстают от администраторов. — Лукиан [66] осмеивает христианство; Цельз опровергает его. Все, что есть мудрого и сильного на свете, восстает против невежественных бедняков, отщепенцев римского общества. Христианам остается в утешение только видеть, как с каждым днем возрастают беззакония старого мира и как он все ближе и ближе подходит к своей пропасти. Из сорока цезарей, от Нерона до Диоклетиана [67], только семеро умерли естественной смертью. Армия обратилась в дикую орду и поступала с гражданами Рима, как с германцами и парфянами. Лихоимство и накопление богатств в немногих руках кончилось общим банкротством и нищетой. Искусство и литература исчезли: артистами императорского Рима были гладиаторы, а ваятели и живописцы воспроизводили в храмах августейшую педерастию. Литература же отпала от старого мира и нашла убежище у христиан, оставив язычеству только компиляторов [68]. Наконец, во все пределы империи ломались варвары, шедшие положить конец старому варварству и водворить новое.

И такое-то общество вопияло о нарушении прав и законов, о презрении религии, о стремлении разрушить государство и основы социальной жизни! Какая ирония!

Версия #2

Зверобой создал 3 июня 2026 01:00:37

Зверобой обновил 3 июня 2026 01:05:20